

БУХГАЛТЕР ОКАЗАЛСЯ ПРАВ

Б. РЯБИНИН

Осенью пришлось мне побывать в Белозерском районе. Места здесь богатые: местный колхоз «Ирвовый колос» известен далеко за пределами Свердловской области. На полях колхоза были впервые опробованы электрические тракторы. С год назад сюда завезли на испытание первые шесть электрических комбайнов. В Белозерском районе находится знаменитая Баженовская опорно-показательная МТС, или, как ее привыкли звать уральцы, «электро-МТС».

Поезд в Баженово пришел вечером. Пока я добирался до МТС, совсем стемнело. В конторе МТС было темно, только в одной из комнат вылился свет и слышалось похихивание кассирши на счетах. Главный бухгалтер и счетовод, молоденькая девушка, готовили очередной отчет.

Разговорились. Я спросил об электрокомбайнах.

— Стоит, — поведывая, с явной неохотой ответил бухгалтер.

— Как стоит? Почему?

— Недоработаны конструктивно.

— Зачем же их прислали?

Бухгалтер молча развел руками.

— А электротракторы?

— Эти — работают...

В тоне голоса бухгалтера слышалась какая-то недовольность. Словно он хотел сказать еще что-то, но колебался: — говорить дальше или лучше поговорить; через минуту он все же добавил:

— Работают, и неплохо... Одно неладит: по себестоимости высокая... Против обычного трактора. Тоже недовольна, выходя... Только, должен вам сказать, у меня на этот счет свое, особое мнение...

Приезд в поля директора и главного агронома МТС поменял бухгалтеру высказывать это «особое мнение».

Разговор об электротракторе возобновился на другой день в колхозе «Ирвовый колос».

На полях этой укрупненной артели есть где развернуться технике. Колхоз ежегодно снимает высокие устойчивые урожаи; посклоно растет благосостояние колхозников.

Минувшее лето на Урале было сухим. Несмотря на это, посевы в «Ирвовом колосе» радуют глаз. Лишь отдельные участки с зерновыми культурами несколько отличались друг от друга. На одних хлеб был гуще, сочнее, на других — как бы отставал. Я заинтересовался, отчего происходит эта разница.

— Электротрактор пахал, — ответил Е. Козлов, председатель колхоза, показывая на участок, где хлеб был особенно хорош.

— Слы-то у него больше, чем у обыкновенного трактора, при пахоте берет глубже. Влага в почве лучше сохраняется...

— Значит, электротрактор лучше?

— Исно, лучше.

Это «исно» так противоречиво услышанному мной накануне от главного бухгалтера, что я невольно подумал: бухгалтер что-то напутал...

Если первое время электротрактор использовался только на пахоте, то теперь он успешно работает и на посеве, на культивации.

Тем не менее, любя и ценя эту машину, трактористы дали ей прозвище: «слон на привязи». Откуда взялась эта обидная кличка?

Главный конструктивный недостаток электротрактора, его, так сказать, уязвимое место, — это частое скручивание и обрывы кабеля. В МТС говорят:

— Сколько раз просили: дайте нам другой кабель! Есть же кабель, — нам бы его сейчас, при нашем опыте! Совсем бы по-другому называли «слон»! Этот же кабель давай и совсем рвать, на заводе «Свердловский» — а нет, не дают!

В МТС говорят об этом с обидой, возмущением.

И в самом деле, прошло почти пять лет с того дня, как первые два электрических трактора выкатились из ворот свердловского ремонтного завода. Вскоре на одном из предприятий сельскохозяйственного машиностроения был налажен серийный выпуск этих тракторов. И с тех пор, по сути дела, никакого движения вперед!

Получается, действительно, «слон на привязи»? На привязи те силы и возможности, которые таит в себе более широкое применение электротрактора.

Давно пора, учтя опыт эксплуатации, внести в конструкцию электротрактора необходимые изменения, снабдить его нужным кабелем, исправить и другие недостатки. Нетерпимое положение и с разницей в два десятилетия. А из-за этого опорочивается хорошая и нужная машина.

Возмущительная история с электрокомбайнами, построенными с крупными конструктивными недостатками. Главный недостаток — барабан для наматывания электрокабеля установлен так, что при первом повороте машины кабель запутывается и обрывается.

Покажи об электрическом тракторе, перестали интересоваться им и в Свердловском областном управлении сельского хозяйства (начальник тов. Шихалев) и в Свердловском филиале Всесоюзного института электрификации сельского хозяйства (директор тов. Кузьмин). То же можно сказать и о Министерстве сельского хозяйства СССР.

Отношение к использованию электротракторов в Баженовской МТС особенно терпеливо в свете директив XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза по пятому пятилетнему плану, в которых записано:

«Считать одной из важнейших задач внедрение электротракторов и сельскохозяйственных машин, работающих на базе использования электроэнергии, особенно в районах крупных гидроэлектростанций».

СВЕРДЛОВСК

250 лет первой русской печатной газеты

Сегодня отмечается знаменательная в истории русской журналистики дата — 250-летие первой русской печатной газеты «Ведомости», основанной Петром I.

«Ведомости» возникли на основе рукописной газеты, именовавшейся тогда «курант» и содержавшей извлечения из доносений послов, приложений к этим документам, а также выдержки из иностранных газет. В декабре 1702 года Петр издал указ, которым говорилось: «...По ведомостям о военных и о военных делах, которые напечатаны для объявления Московского и окрестных государств людям, печатать куранты».

Во исполнение этого указа и началась, как известно, выходить первая русская печатная газета, отпечатанная церковно-славянским шрифтом. Выходила она в неопределенные сроки, и номера ее различались не только объемом, но и длиной строк.

Созданию первой русской печатной газеты, в которой, по словам Добролюбова, «каждый раз русские узнавали всенародное объявление событий военных и политических», предшествовало много значительных. Он сам отмечал кардинальное место в иностранных газетах для перепечатки «ведомостей».

Что же печаталось в петровских «Ведомостях»? Это были сообщения о развитии русской армии и флота, внешней торговле, военных и политических новостях за рубежом, об открытии новых школ, заводов, месторождений ископаемых. Так, например, в № 1 газеты сообщалось из Казани: «На реке Соку нашли много нефти, и медной руды, из той руды медь выплавляют изрядну, отчего чают немалую прибыль Московскому государству». В этом же номере писали об увеличении числа московских школ, где «45 человек слушают философию по учебнику диалектики», а в математической естественной школе больше 300 человек учатся, и добре науку приемлют.

В № 5 «Ведомостей» сообщалось, что в одной из волостей Олонского уезда «найденная медная руда и той руды накопано с двести пудов».

В газете приводились также сведения о строительстве каменных шлюзов для канала Волга-Балтика, о различных метеорологических явлениях, сведениях медико-санитарного характера, извещениях о стихийных бедствиях. В частности, в сообщении из Италии говорилось, что «в последнем землетрясении погибли» были пятьдесят человек, а в математической школе больше 300 человек учатся, и добре науку приемлют.

Первая русская печатная газета выходила почти четверть века. Замок Академии наук стала выпускать «Санкт-Петербургские ведомости», одним из редакторов которых был В. И. Ленин. Газета пользовалась большим успехом, и ее тиражи достигали нескольких тысяч экземпляров.

Первый дошедший до нас номер «Ведомостей» датирован 2 января 1703 года и содержит первый номер этой газеты. Однако по последним исследованиям установлено, что это не первый номер, а всего лишь один из многих. Комплекты «Ведомостей» являются редчайшим изданием в библиотеках страны — в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Шчурина в Ленинграде, в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве, Исторической библиотеке и библиотеке МГУ. Тем более ценны те издания, в которых, кроме текстов, были вложены репродукции картин, рисунков, фотографий. В частности, отдел редких книг Государственной библиотеки имени В. И. Ленина поместил пять корректурных экземпляров первой русской печатной газеты, а библиотека Государственного литературного музея получила комплект первого русского журнала «Примечания» за 1730 год и 104 номера «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1737 год.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Замедленная реакция

(ВМЕСТО ФЕЛЬЕТОНА)

22 марта 1952 года. В «Литературной газете» напечатана заметка «Примечания». Читатель о драматурге А. Г. Ржевском. Читатель Борисов пишет, что Ржевский — человек, не достойный звания советского писателя. Занимает авансы, не возвращает их, по исполнительным листам не платит, а пьес его не видно. «Знает ли об этом Союз писателей?» — спрашивается в заметке.

Апрель—май 1952 года. В правлении ССП и в Московской секции драматургов — тишина. Безмолвие. На выступление газеты ответа нет.

29 мая 1952 года. Редакция «Литературной газеты» посылает письмо в правление ССП. Напоминает о том, что в заметке «указывалось на неэтичное, порочащее достоинство советского писателя поведение драматурга, члена ССП А. Г. Ржевского. В дополнение к материалам фельетона нами получено письмо читателя Л. Н. Трофимова».

4 июня 1952 года. Вопрос о Ржевском рассматривается на бюро секции московских драматургов (ответственный секретарь тов. Н. А. Сотников). А. Г. Ржевский просит сначала ознакомиться с его рукописями, а затем уже решать вопрос о его моральном облике и о его творческом лице. Постановили: «1). Отложить рассмотрение вопроса до следующего заседания бюро, в связи с заявлением А. Ржевского. 2). Поручить тов. Сотникову подготовить материалы о творческом и моральном облике А. Г. Ржевского».

Июнь—июль 1952 года. Тишина. Безмолвие. Ответа на выступление газеты нет.

2 августа 1952 года. «Литературная газета» печатает статью «Почему же не последовало ответа?» Редакция, говорилось в этой статье, до сих пор не может сообщить читателям, как расценивает Союз писателей поведение А. Ржевского.

12 августа 1952 года. Секретариат ССП указал бюро секции московских драматургов на недопустимость столь длительного разбора дела Ржевского.

20 августа 1952 года. Бюро секции московских драматургов слушает вопрос: «Об утверждении секретариата ССП о задержке в разборе дела члена секции А. Ржевского». Постановили: «Продолжить ознакомление с рукописями А. Ржевского».

28 августа 1952 года. В «Литературной газете» опубликовано постановление секретариата ССП: «Секретариат ССП СССР считает необходимым довести до сведения читателей «Литературной газеты» о решениях, принятых по сигналам «Литературной газеты». Вопрос об А. Ржевском будет рассмотрен».

обсужден на одном из очередных заседаний секретариата».

Сентябрь 1952 года. Члены бюро секции московских драматургов прочитали рукописи Ржевского и дали им отрицательную оценку. Чтобы проверить правильность своего впечатления, пьесу Ржевского «Чкалов» послали на отзыв критику Н. Велехову. Вот что она написала: «Драматург берет важные и нужные факты, но не в состоянии раскрыть их смысл, их глубокую сущность... Пьеса написана языком малодраматичным и развязно-невысказанным. Всюду серость мысли и безликий режиссер».

8 октября 1952 года. Бюро секции принимает решение: «Вопрос о моральном облике А. Ржевского поставить на обсуждение общего собрания секции». Могут спросить: почему только вопрос о моральном облике? А как же с вопросом о «творческом лице»? Тов. Сотников разъяснил представителям редакции: у нас возникло сомнение — а вдруг отрицательные впечатления членов бюро секции все же ошибочны? Ведь появились сведения о том, что Театр имени Вахтангова предложил автору доработать пьесу о Чкалове.

Три месяца спустя. «На одном из ближайших заседаний секретариата» вопрос о Ржевском не ставился. На общем собрании Московской секции драматургов вопрос тоже не ставился. По мнению тов. Сотникова, чтобы вопрос поставить, надо его подготовить. Чтобы вопрос подготовить, надо предварительно побеседовать с самим Ржевским. Но последние слова Ржевский уклонился от посещения ССП, увернул, что болен. Впрочем, тов. Сотников встретил Ржевского на улице, просил зайти. Но Ржевский не появился. Тов. Сотников подал докладную записку в секретариат и теперь ожидает новых указаний секретариата.

Докладную записку тов. Сотникова, датированную 23 декабря 1952 года, удалось разыскать в столе у заместителя секретаря правления ССП тов. С. Н. Преображенского. Он тоже встретил Ржевского на улице и полагает, что так как, по видимому, Ржевский не болен, то вопрос о поведении этого драматурга следовало бы разбирать, независимо от его явки, заочно...

12 января 1953 года. На выступление газеты ответа от Союза писателей все еще нет. Чем это можно объяснить? Видимому, только одним: в Союзе писателей все еще имеет место слабый контроль за проверкой исполнения своих собственных решений, а главное — нежелание и неумение заниматься вопросами воспитательными, морально-этическими.

«НЕРАЗБЕРИХА»

Так называлась опубликованная 29 ноября 1952 года в «Литературной газете» заметка, которая критиковала отношение руководства Московского университета имени Ломоносова к недавно открытому факультету журналистики.

Как сообщила редакция и. о. проректора МГУ профессор А. Ефимов, факты, приведенные в корреспонденции, полностью подтверждались.

«МУЗЕЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Под таким заголовком в «Литературной газете» от 25 октября 1952 года была опубликована статья директора Государственного музея Татарской АССР В. Дьяконова, в которой говорилось о том, что посвященные советскому периоду отделы многих краеведческих музеев находятся в неудовлетворительном состоянии, советская действительность вытеснена в них обветшалой и искаженной.

Как сообщила редакция зам. председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР тов. И. Колоколкин, статья обсуждалась на коллегии Комитета. Критика, на-

правленная в адрес краеведческих музеев, местных руководящих организаций и Комитета признана правильной.

В связи с этим Комитет поручил областным, краевым отделам и республиканским управлениям культурно-просветительной работы обсудить статью «Музей и современность» и наметить на 1953 год конкретные меры по улучшению отделов советского периода в музеях.

Комитет объявил Управление музеев при составлении плана работы поставить в качестве центральных задач краеведческих музеев создание полноценных отделов советского периода. Управление музеев и Институт повышения квалификации работников музеев должны были организовать в 1953 году курсы повышения квалификации работников отделов советского периода краеведческих музеев, а научно-исследовательскому институту краеведческой и музейной работы в 1953 году подготовить к печати методическое пособие о построении экспозиции отдела советского периода с приложением лучших тематико-экспозиционных планов.

Журнал «Культурно-просветительная работа» должен систематически освещать вопросы построения экспозиций отделов советского периода в музеях.

По просьбе Комитета по делам культурно-просветительных учреждений Министерство сельского хозяйства РСФСР в сентябре 1952 года дало указание сельскохозяйственным органам — выделить музеям экспонаты и участвовать в построении экспозиций по сельскому хозяйству.

Трехтомник сочинений В. В. Стасова

Ленинградское отделение издательства «Искусство» выпустило трехтомник избранных сочинений В. В. Стасова общим объемом в 205 печатных листов. В это наиболее полное из вышедших в наше время издание журналов выдающегося деятеля русской культуры включены статьи не только по изобразительному искусству, но и по музыке. Тексты в издании воспроизведены полностью, как они впервые появились в печати.

Значительное место в трехтомнике занимают репродукции произведений живописи и скульптуры, о которых упоминают в статьях Стасова.

В Комитете по Сталинским премиям в области литературы и искусства

12 января под председательством Н. С. Тихонова открылся пленум Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Обсуждались мероприятия, связанные с предстоящим рассмотрением работ, выдвинутых на соискание Сталинских премий за 1952 год.

Всего выдвинуто 518 произведений, в том числе по художественной литературе — 182, по музыке (включая концертно-исполнительскую деятельность) — 100, по театру — 103, по кинематографии (художественной и хроникально-документальной) — 20, по изобразительному искусству — 91, по архитектуре — 22 произведения.

На пленуме выступили А. Попов, А. Герасимов, Н. Пырнев, А. Мордвинков, М. Чварули, М. Парев, С. Михалков, И. Грабарь, Р. Симонов, А. Голденвейзер, Н. Голованов и другие.

На сессиях комитета началось предварительное рассмотрение и обсуждение работ.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ
РАЗГОВОР

КОЛЛЕГИЯ МИНИСТЕРСТВА РЕШИЛА, НО...

Как-то в июне прошлого года я прочитал опубликованную «Литературной газетой» статью Р. Лариной о неудовлетворительных темпах строительства детских садов и яслей на ряде предприятий. В статье говорилось также и о строительстве детского сада на Красноярском цементном заводе, которое было начато еще в 1949 году. Некоторое время спустя газета поместила сообщение министра промышленности строительных материалов СССР тов. Юдина о том, что по приказу министерства это строительство должно быть закончено в сентябре 1952 года. Но на деле все выглядит иначе. Несмотря на то, что этим специально занималась

коллегия министерства и установила как будто бы определенный срок, помещение детского сада до сих пор не сдано в эксплуатацию. Больше того, строительные работы просто не возобновлялись, строительство законсервировано.

Пытался мы на месте предпринять различные меры, ставили вопрос о строительстве и на заседании завкома и на пленуме краевого комитета профсоюза. Наше постановление по этому вопросу было послано руководителю Главгосстройцентра тов. Боловину. Наконец, наши работники

обратились с письмом в краевую газету. Положение, однако, не изменилось. Не помогло и вмешательство городского и районного комитетов партии. Люди, непосредственно отвечающие за строительство детского сада — гг. Сорочкин, Воробьев, Сытников, Зверев, — видимо, никак не желают не только реагировать на критику, но и понять, какое значение имеет это строительство.

Кто же и когда разъяснит им это?

К. ПЕТРОВ,
председатель завкома цементного завода
КРАСНОЯРСК

В. ДОРОФЕЕВ

Книга о мастерстве Маяковского

В заводском клубе, в студенческой аудитории, на школьном уроке или на ученом собрании — нигде и никогда не бывает безразличных, едва лишь речь заходит о Владимире Маяковском.

Он всех касается, всех волнует, и все, что связано с его именем — новое ли собрание сочинений или книга о жизни и творчестве великого поэта революции, — все это сразу вызывает живой и широкий читательский интерес. И это понятно. Творчество Маяковского стало неотъемлемой частью духовной культуры советского человека.

Маяковский — непревзойденный мастер поэзии. Однако известно эта сторона его творчества еще очень слабо освещена в нашей критике и, в частности, в книгах последнего времени.

Пока в литературе о Маяковском высказаны лишь общие принципиальные положения. Пора уже перейти к конкретному, конкретному изучению творческого опыта великого поэта. Ведь, по существу, до сих пор в наследстве Маяковского остаются неразгаданными целые поэтические матери-

иалы. Требуется не одного, а многих таких соборников. В первом из них авторы, естественно, смогли осуществить лишь небольшую часть поставленной задачи.

Центральной проблемой соборника — художественное мастерство Маяковского. Это — замечательное умение поэта создавать незабываемый типичный образ, исполненный огромной впечатляющей силой (статья А. Метченко о поэме «Владимир Ильич Ленин»), и мастерство Маяковского-лирика, автора таких стихов, как «Товарищу Нестю-пароходу по телефону» (статья Л. Тимофеева), и боевая работа поэта в РОСТА (статья В. Дьяконова), и вопросы стиха (статья А. Абрамова, М. Штокмар и того же Л. Тимофеева), и, наконец, проблемы, связанные с изучением языка, первоэлемента литературы, стиха (статья покойной М. Рибниковой и Е. Тагера).

В статье А. Метченко широко раскрыта история создания поэмы «Владимир Ильич Ленин», прослеживается идейно-творческий путь Маяковского, приведены его монументальные полноты о великом вожди революции, дается анализ самой поэмы и ее центрального типического образа — В. И. Ленина.

Достоинства статьи в том, что анализ произведения связан здесь с общей картиной большой политической жизни страны, с той общественной атмосферой, в которой рождался поэт.

Автор привлек свежий материал, который, безусловно, войдет в научный обиход. Он приводит, например, живые отклики рядовых советских людей, участниц XI съезда Советов, напечатанные в газете «Правда» в траурные дни января 1924 года, сравнивает эти отклики со стихами поэта и показывает на конкретных примерах, какой большой жизненный материал вобрал поэт, стремясь увековечить в стихе все, пережитое народом.

Но может ли книга, подобно тому, как это делает А. Метченко, ограничиваться, главным образом, только установлением сходства фактов жизни и фактов искусства? Нет, он должен идти дальше, в самую глубь искусства, к анализу художественной ткани, поэтического мастерства, должен проследить, как, собирая по отдельным черточкам, по крупинкам жизненный материал, художник не просто «перекладывает» его в стихотворные строки, а творчески воссоздает, выделяя, заостряя са-

мое существование, возводя факт действительности в «перл создания».

Встречаются в этой статье и отдельные полезные, непродуманные формулировки.

«Как ввести разговорный язык в поэзию и как вывести поэзию из этих разговоров?» — так формулировал задачу работы поэта над словом сам Маяковский. Статья покойной М. Рибниковой дает первый ответ на этот вопрос. Язык Маяковского, пишет М. Рибникова, растет из грунта, для которого — живая народная речь. Поэт не только не отказывается от богатейшей сокровищницы русского языка — народной речи, но и обогащает ее, обогащая ее образами, образами «зерна», которые затем давали в его стихах прекрасные выходы оригинальных поэтических метафор, эпитетов, разноречивых сюжетов. Эту живую основу поэзии Маяковского, связывающую его с великой классической традицией, «не замечали» некоторые критики, всячески старавшиеся противопоставить Маяковского русской поэзии. Статья М. Рибниковой — хорошая опора в борьбе против всякого рода попыток представить новаторство Маяковского как поэтический «примечания» и «нигилистический» традиций.

Мало изучен еще стих Маяковского. Они исследователи ограничивались здесь любительскими рассуждениями о «смысловом» стихе, ударности, гибкости и т. д., другие же, наоборот, так погружались в самолюбительское изучение «механизма стиха», что забывали обо всем остальном, в том числе о самом главном — о смысловом содержании поэтической речи.

Правильно поступает А. Абрамов, автор статьи «Ритмика поэмы «Владимир Ильич Ленин», стремясь рассмотреть особенности ритма поэмы в связи с ее общим идейным замыслом. При этом он не боится проследить «черновую» работу, без которой не бывает никакой науки, в том числе и науки литературной.

Конкретное изучение стиха Маяковского наглядно убеждает в том, как глубоко заблуждался и те, кто незаконно отрывал стих Маяковского от классического русского стиха, и те, кто пытался отрицать новаторство Маяковского в этой области. Эти две глубокие ошибочные тенденции в последние годы нашли свое выражение, с одной стороны, в книге С. Трегуба «Жизнь и творчество», а с другой — в работе Е. Успеневич «Владимир Маяковский» и в статье В. Назарова «Об одном распространенном заблуждении» («Звезда», № 8 за 1952 г.).

Представители первой тенденции вообще затруднялись себе сколько-нибудь конкретной разработкой проблемы. Они больше прокламируют свою точку зрения, нежели доказывают ее, больше обращаются к «чувству», нежели к факту и доказательству.

Представители второй тенденции, в отличие от первых, выступают уже, так сказать, по «серьезной» науке... Здесь нам и старые Трегубовский и много всяких других почтенных имен, достойных и уважения и изучения. Жаль только, что среди этих имен сам Маяковский, так сказать, главный виновник торжества, порой оказывается более чем на скромном месте, попросту говоря, задвигается куда-то за «Мая» всякими параллелями, сравнениями, уподоблениями и т. п.

Представляя дело так, что в русской поэзии со времени Ломоносова ничего не случилось, что Маяковский, дескать, никак и не новатор стиха, он, мол, создает лишь какие-то вариации на старые темы, — значит выхолащивать живую душу новаторской поэзии Маяковского.

Работа М. Штокмара «О стиховой системе Маяковского» — на первый взгляд, такая-то «третья тенденция». Точка зрения автора состоит в том, что отягчительной особенностью стиховой системы Маяковского следует считать вовсе не в ритме, а в рифме, которая, по его мнению, и является основой организации стиха, «доминантой», определяющей все другие поэтические элементы.

Доказывая свою мысль, М. Штокмар дает обстоятельную характеристику всех существующих систем стихосложения. Он прав, когда настаивает на научном анализе стиха Маяковского. Нет оснований спорить с ним и тогда, когда он утверждает, что стих — это сложное единство, синтез целого ряда элементов, имеющих целью наиболее полное раскрытие смысла поэтической речи, что структурное значение этих элементов неодинаково в разные исторические периоды развития поэзии.

Но коренная ошибка исследователя состоит в том, что в угоду своей концепции о рифме, как «доминанте», он, в сущности, принижает отрицательную роль важнейшей поэтической роли, какую играет в стихе Маяковского ритм, «основная сила, основная энергия стиха».

У М. Штокмара получается, что между стихом Маяковского и рифмой нет никакой существенной разницы, если не считать, что в первом случае мы имеем дело со сложной, а во втором — с крайне примитивной, как он выражается, рифмой. С другой стороны, стих Маяковского отрывается от стиха Пушкинской эпохи, когда рифма, по словам Штокмара, была

О „МЕЛОЧАХ“ БЫТА В ЛИТЕРАТУРЕ

Когда встречаешь в газете или журнале большую статью на литературную тему, то обычно ждешь от нее ответа на какой-нибудь общий теоретический вопрос. В этой же статье речь пойдет о частных и весьма прозаических вещах, которые, однако, при ближайшем рассмотрении могут оказаться не такими уж частными и маловажными...

Как одет литературный герой? В какой квартире он живет? Что ест? Какую получает зарплату, как отдыхает, развлекается и т. п.? Стоит только заинтересоваться этим, как сразу же станут ясны, что этот круг вопросов находится у многих наших писателей в явном пренебрежении. Причем интересно отметить, что неумение и нежелание — изображать материальные условия жизни человека обычно сочетается с целым рядом других «неумений» — неумением глубоко раскрыть психологию героев, изображать личную, семейную жизнь, любовные переживания и т. п., а все это, вместе взятое, нередко приводит к существенному обеднению образов героев, к тому, что по страницам произведений начинают скатываться совершенно бесплодные фигуры. И это не случайно, ибо не может быть художественно убедительным образ человека, искусственно вырванного из реальной материальной среды, лишенного конкретных бытовых черт.

На эту некорректность необходимо обратить внимание еще и потому, что она, как нам кажется, связана с одним старым заблуждением. Оно сводится к тому, что, по мнению некоторых писателей, советскому человеку должно быть свойственно полное пренебрежение к себе, к своему здоровью, к еде, к отдыху, к костюму, к в особенности, к деньгам.

Это противопоставление личного, как чего-то отрицательного, общественному, своеобразная проповедь аскетизма и самоотречения являются своего рода пережитком реакционных мелкобуржуазных представлений о социализме — тех представлений, согласно которым мы лично, индивидуальное и яркое в человеке в условиях «всеобщего социального равенства» якобы должно быть ликвидировано, приведено, так сказать, к общему знаменателю, когда все люди превращаются в безликую, серую массу. Отголоски этих порочных взглядов сказались в творчестве некоторых наших писателей первых послевоенных лет.

Весь уклад нашей советской жизни в условиях победившего социализма на практике разоблачает ложность и нелепость фальши этих пессимистических утопий.

Основным законом нашей жизни является максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества, общества, в котором все для человека, все для развития его способностей, для удовлетворения его растущих запросов.

И все же, оказывается, отголоски старых мифических представлений бытуют, хотя и неосознанно, у многих наших писателей.

В «Переднем крае» Б. Косинского, в «Стахановцах» П. Шебунина, в «Горячем чае» Ольги Зив, в «Младшем советнике юстиции» Л. Карелина, в «Строителях мира» В. Курочкина и во множестве других произведений люди работают только ради самой работы, только в силу своей высокой сознательности, только ради трудовой доблести. Кажется ясно, что для советского человека — это главные стимулы работы, что без творческого труда наш человек не мыслит своего существования, но говорить только об этом, забывая, что человек работает еще и для того, чтобы накормить и одеть себя и свою семью, что уровень его жизни находится в прямой зависимости от его работы и его заработка, — это значит проявлять великое лицемерие и ханжество.

Получается странная вещь: станковщик и передовые люди во многих книгах, как на подбор, ни при каких обстоятельствах не говорят и не думают о деньгах и заработках. Этот вопрос для них вообще не существует. Но зато стоит появиться в книге отрицательному герою, как тут же выясняется, что именно он живет в обществе, где деньги имеют значение и играют известную роль в жизни людей.

Из всех героев Б. Косинского, например, только токарь Молочков, штурман и врач, интересуются своей зарплатой. Все остальные герои писателя обладают столь высокой «сознательностью», что заработок для них не играет ровно никакой роли.

В повести А. Акимовой «Первое сентября» изображен атакант «слепой человек» — московский доцент «гастролей» Сушков. В одном из эпизодов он «спешит» в поликлинику, преподаватель Симе, говорит ей, что в провинциальный институт он приехал специально затем, чтобы сразу подзаработать побольше денег, которые, дескать, нужны ему для лечения больной жены. И читатель, и Симе справедливо не верят в благородство побуждений Сушкова. Однако писательница, как бы опасаясь, что разговоры о материальных расчетах могут бросить тень на положительный образ героини, считает нужным подкрепить эту спешку еще и таким характерным высказыванием: «И опять почувствовалась какая-то неловкость. То ли до Сушкова дошло, что Симе чудны такие бы то ни было расчеты, даже самые законные и продиктованные благородными побуждениями, то ли он понял, наконец, что она на него обижена». (Подчеркнуто мною. — И. П.)

Некоторые наши писатели и кормят своих героев мало, плохо и невкусно, а позачас и вовсе забывают сделать это.

Может показаться невероятным, но есть одна такая повесть, в которой писатель на протяжении года ни разу не упоминает своих героев. Это «Стахановцы» П. Шебунина. Здесь утром герой без заправки уходит на работу; в обеденный перерыв не идет в столовую; после смены, не поем, мчится в институт или в библиотеку... И так — целый год!

Вообще кормить своих героев и тем более заставлять их думать о еде или испытывать чувство голода считается у этих писателей весьма «журным тоном»; об этом обычно, если и упоминается, то лишь в такой форме: «Только сев в столу, он почувствовал, как он проголодался». Зато

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ МАСТЕРСТВА

очень хорошим тоном считается заставлять человека в пылу работы забывать о еде. Так, например, молодые геологи в рассказе И. Забелина «Последний маршрут» целый день провели в пути в очень трудных условиях; в довершение всего лошади, на которую была навьючена еда, осталась на острове. Перед сном между измученными геологами произошел следующий знаменательный разговор:

— Все образцы теперь здесь с нами! — А еда? — Где же там была еда? — Вперед высила. Ладно, завтра поим. (Подчеркнуто мною. — И. П.)

Или — герой повести И. Шутова «Апрель», инженер-майор Лазаревский: он занят постройкой моста в разрушенной Вене, занят настолько, что для себя у него времени совершенно не остается. С последовательностью и упорством, достойным лучшего применения, писатель на протяжении всей повести «уводит» своего героя от обеда... И похитившие Лазаревского — советские солдаты-строители — в этом отношении под стать своему начальнику. Каменщик Игнат Пунжарь, например, нехотя побывав дома в отпуску. «Ни одного дня не отлучал Игнат в родное село...», рассказывает об этом И. Шутов. — «Сажая печь в новых домах, помог колхозу организовать у глиняного обрыва на окраине небольшой кирпичный завод. Председатель колхоза... распорядился отпустить знакомого односельчанину на дорогу муку, сала и пшена. Игнат от всего отказался». (Подчеркнуто мною. — И. П.)

Почему-то о положительном герое мы почти никогда не прочтем: «он любил хорошо поесть». Так, в крайнем случае, напишут только о лодыре или жулике.

А ведь когда Максим Горький впервые в литературе вывел на сцену рабочего человека, чувствующего себя хозяином жизни, — машиниста Илья, он не побоялся дать в руки своему герою миску со шмари и кусок хлеба! «Хозяин тот, кто трудится», — говорит у Горького Илья. А тот, кто много и хорошо трудится, не может не хотеть есть. Посмотрите, как красиво, с каким добрым аппетитом облетает Илья! «...ест я хочу, как волк! Дождь, ветер, холодище, паровоз старый, скверный... измаялся я в эту ночь — прямо сил нет!» — говорит он.

А у Шутова, извольте видеть, человек из одного дня не отдыхал — и печь сложи, и завод организовал, а есть не хочет! Чудеса, да и только...

И одают наши писатели своих героев (и особенно героинь) силком и рядом небрежно, беззастенчиво, несправедливо и исторически верно изображая условия существования наших людей в книгах М. Шолохова, А. Фадеева, К. Федин, И. Эренбурга, В. Пановой и многих других наших писателей.

Читая такие книги, убеждаешься, что для того, чтобы реалистически воссоздать в произведении эти стороны жизни, совсем не обязательно уделять им много места и внимания. С каким знанием дела, как конкретно и исторически верно изображаются условия существования наших людей в книгах М. Шолохова, А. Фадеева, К. Федин, И. Эренбурга, В. Пановой и многих других наших писателей.

Итак, герои наших наших произведений о материальных благах думают чрезвычайно мало: деньги им вообще не нужны, едят они редко и неохотно, к одежде относятся безразлично. К этому можно прибавить и то, что они не заботятся о своем здоровье, мало отдыхают, преждевременно возвращаются из отпусков, большие выкладывают на работу и т. д. и т. п.

Создается впечатление, что будто для показа трудового героизма существует только одно средство — изображение только одного человека, который работает, преодолевая боль и страдания. Особенно характерен в этом отношении роман Ольги Зив «Горячий чай». В произведении немало талантливых страниц, но герои романа почти-то почти все так же больные люди: заместитель главного инженера комбината старик Каванский болел грудной жабой, на совещание к директору он приходит совершенно больной, в пижаме (вырвался тайком от жены из дому); на том же совещании присутствует начальник комбината пед. Сохун, он болел левой желудка и непрерывно морщится от сильных резов; инженер Чарыня страдает туберкулезом и т. п.

Нам кажется, что, становясь литературным трафаретом, подобный писательский прием способен исказить большую тему подлинного трудового героизма.

Литературный штамп — страшная вещь. Он бездумен и слеп, он ничего не видит и не хочет принимать во внимание. Иной раз, к примеру, действительно, в трехдневном отпуске от сна и отдыха во имя дела заключен высокий героизм; а в другой раз, когда для этого отказа нет серьезных причин, — это глупость, матерщинство, недопустимое литературное кокетство.

Как уже говорилось, во всем этом в известной степени повинна старая порочная литературная традиция. Но если пристально присмотреться к этому явлению, то неожиданно обнаружится, что «суровый аскетизм» и самоотречение многих литературных героев у многих наших писателей является, по существу, лишь оборотной стороной той «металлы», которую справедливо называют дзирковкой действительности. Образуется, что подобный «аскетизм» возникает там, где жизнь изображается, как вообще сплошное избиение и благополучие. Как бы само собой здесь подразумевается, что у всех всего более, чем вдоволь, — и денег, и еды, и одежды, а поэтому, дескать, героям и думать обо всем этом не приходится.

Ведь именно в таких произведениях писатели не кормят, не кормят своих героев, а потом возмущатся «по заветам» и закатывают такой «духулов пир», что небу становится жарко.

Ведь именно в таких, условно говоря, «аскетических» произведениях герои, как правило, никаких серьезных материальных затруднений не испытывают. Рисую семейную жизнь своих героев, писатели часто забывают о том, что у нас далеко не все семьи живут на одинаковом уровне. Это зависит и от количества членов семьи (в том числе работающих), и от их профессии и квалификации, и от того, хорошо или плохо работают «кормильцы» семьи, и от умения распорядиться общесемейными средствами,

и от общекультурного уровня семьи, и от семейных традиций, и т. д.

В книгах же все семьи в материальном отношении живут обычно совершенно одинаково: Рубанюки — на том же уровне, что и Волгины, а последние ничем не отличаются от десятка других семейств... У всех всего хватает — и до войны, и после войны, и даже во время войны.

Между тем стоит только вспомнить замечательный опыт А. Макаренки (в его «Книге для родителей»), чтобы понять, какие огромные художественные и воспитательные возможности открываются перед писателем, который не боится быть правдивым в изображении материальных условий существования людей.

Думается, что пресловутая «теория бесконфликтности» нехороша и в том, что наши писатели так часто закрывают глаза при встрече с реальными материальными трудностями, предпочитая изображать «трудности» вымышленные (вроде того, что человеку из-за его занятости некогда пообедать в течение года).

Вот, скажем, — квартирный вопрос. Все мы знаем, что полного благополучия в этой области мы еще не достигли. Незарум такое первостепенное значение приходится сейчас строить домов для трудящихся.

Тем не менее литературные герои обычно никаких жилищных затруднений не испытывают. Чаще всего квартира, в которых они живут (если автор найдет нужным их показать), по своей обширности напоминают залы московского метро. Эта «тенденция» особенно ярко проявляется в наших фильмах.

Правда, в романе Ю. Заптева «Путь открыт» описывается городок, сильно разрушенный во время войны; железнодорожные рабочие страдают здесь от тесноты и неуютности. В качестве примера приводится большая семья вагонного мастера: в ней 9 детей своих да двое приемных. Но вот нам пишет об этом писатель:

«...несмотря на то, что теснота в двух крохотных барачных комнатах, в которых жилилась семья вагонного мастера, была на первый посторонний взгляд невозможна, ничего из членов семьи она ничуть не угнетала». (Подчеркнуто мною. — И. П.)

В общем — «нам и теснота» — не в тесноте!

Здесь можно было бы, конечно, привести множество примеров и обратного порядка. Следуя великим традициям классической русской литературы, лучшие наши мастера стремятся изображать своих героев в исторически конкретной бытовой обстановке. Все мы помним, с какой любовью и вниманием, с каким знанием дела, как конкретно и исторически верно изображаются условия существования наших людей в книгах М. Шолохова, А. Фадеева, К. Федин, И. Эренбурга, В. Пановой и многих других наших писателей.

Читая такие книги, убеждаешься, что для того, чтобы реалистически воссоздать в произведении эти стороны жизни, совсем не обязательно уделять им много места и внимания. С каким знанием дела, как конкретно и исторически верно изображаются условия существования наших людей в книгах М. Шолохова, А. Фадеева, К. Федин, И. Эренбурга, В. Пановой и многих других наших писателей.

Итак, герои наших наших произведений о материальных благах думают чрезвычайно мало: деньги им вообще не нужны, едят они редко и неохотно, к одежде относятся безразлично. К этому можно прибавить и то, что они не заботятся о своем здоровье, мало отдыхают, преждевременно возвращаются из отпусков, большие выкладывают на работу и т. д. и т. п.

Создается впечатление, что будто для показа трудового героизма существует только одно средство — изображение только одного человека, который работает, преодолевая боль и страдания. Особенно характерен в этом отношении роман Ольги Зив «Горячий чай». В произведении немало талантливых страниц, но герои романа почти-то почти все так же больные люди: заместитель главного инженера комбината старик Каванский болел грудной жабой, на совещание к директору он приходит совершенно больной, в пижаме (вырвался тайком от жены из дому); на том же совещании присутствует начальник комбината пед. Сохун, он болел левой желудка и непрерывно морщится от сильных резов; инженер Чарыня страдает туберкулезом и т. п.

Нам кажется, что, становясь литературным трафаретом, подобный писательский прием способен исказить большую тему подлинного трудового героизма.

Литературный штамп — страшная вещь. Он бездумен и слеп, он ничего не видит и не хочет принимать во внимание. Иной раз, к примеру, действительно, в трехдневном отпуске от сна и отдыха во имя дела заключен высокий героизм; а в другой раз, когда для этого отказа нет серьезных причин, — это глупость, матерщинство, недопустимое литературное кокетство.

Как уже говорилось, во всем этом в известной степени повинна старая порочная литературная традиция. Но если пристально присмотреться к этому явлению, то неожиданно обнаружится, что «суровый аскетизм» и самоотречение многих литературных героев у многих наших писателей является, по существу, лишь оборотной стороной той «металлы», которую справедливо называют дзирковкой действительности. Образуется, что подобный «аскетизм» возникает там, где жизнь изображается, как вообще сплошное избиение и благополучие. Как бы само собой здесь подразумевается, что у всех всего более, чем вдоволь, — и денег, и еды, и одежды, а поэтому, дескать, героям и думать обо всем этом не приходится.

Ведь именно в таких произведениях писатели не кормят, не кормят своих героев, а потом возмущатся «по заветам» и закатывают такой «духулов пир», что небу становится жарко.

Ведь именно в таких, условно говоря, «аскетических» произведениях герои, как правило, никаких серьезных материальных затруднений не испытывают.

Рисую семейную жизнь своих героев, писатели часто забывают о том, что у нас далеко не все семьи живут на одинаковом уровне. Это зависит и от количества членов семьи (в том числе работающих), и от их профессии и квалификации, и от того, хорошо или плохо работают «кормильцы» семьи, и от умения распорядиться общесемейными средствами,

и от общекультурного уровня семьи, и от семейных традиций, и т. д.

В книгах же все семьи в материальном отношении живут обычно совершенно одинаково: Рубанюки — на том же уровне, что и Волгины, а последние ничем не отличаются от десятка других семейств... У всех всего хватает — и до войны, и после войны, и даже во время войны.

Между тем стоит только вспомнить замечательный опыт А. Макаренки (в его «Книге для родителей»), чтобы понять, какие огромные художественные и воспитательные возможности открываются перед писателем, который не боится быть правдивым в изображении материальных условий существования людей.

Думается, что пресловутая «теория бесконфликтности» нехороша и в том, что наши писатели так часто закрывают глаза при встрече с реальными материальными трудностями, предпочитая изображать «трудности» вымышленные (вроде того, что человеку из-за его занятости некогда пообедать в течение года).

Вот, скажем, — квартирный вопрос. Все мы знаем, что полного благополучия в этой области мы еще не достигли. Незарум такое первостепенное значение приходится сейчас строить домов для трудящихся.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В ЭСТОНИИ

«БЕРЕГ ВЕТРОВ»

Эстонское государственное издательство выпустило первую книгу романа А. Хинта «Берег ветров» в переводе на русский язык А. Соколова. Книга повествует о тяжелом прошлом эстонских рыбаков, печальной судьбе островных жителей.

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

В Союзе советских писателей Эстонии недавно состоялся обсуждение повести «Петер Лаймекс из Нексе», написанной молодым автором М. Кургановым. В повести рассказывается о борьбе датского народа за мир и демократию, о руководящей роли в этой борьбе коммунистической партии Дании. Участники обсуждения отметили важность этой темы, но обратили внимание автора на имеющиеся в повести недостатки. Сейчас М. Курганов дорабатывает свое произведение.

МАЛЕНЬКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Маленьким читателям получились хорошие подарки от эстонских писателей. К началу года вышли новые книжки для детей: «Молодые животные» и «Восемь осеней» Ф. Котта, «Хейно готовится стать машинистом» М. Кесамая, «Веселые стихи» Р. Парве, «Я умею летать» Л. Тигане, «Кем быть?» В. Маяковского (в переводе Ф. Котта), «Великая» и «Хороший день» С. Маршака (в переводе Р. Парве).

МОЛОДЕЖЬ УЧИТСЯ

На днях в Таллине в Союзе советских писателей закончился семинар молодых авторов. В семинаре приняла участие литературная молодежь Тарту, Пярну, Вильянди. Молодые авторы прослушали лекции о типичности в литературе, а также ознакомились с творческим методом М. Исаковского. В течение двух дней шла обсуждения произведений участников семинара.

Т. ТОМБЕРГ, морр. «Литературная газета»

ТАЛЛИН. (По телефону)

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

„Против рутины и благодушия“

На одном из заседаний ученого совета Института этнографии и фольклора Академии наук Латвийской ССР обсуждалась работа проф. Я. П. Янсона «Общественно-классовая эстетика в народных песнях».

О том, что представляет собой эта работа и как проходила ее обсуждение, рассказывает статья «Против рутины и благодушия», опубликованная в газете «Советская Латвия».

«Перед проф. Янсоном, — говорится в статье, — стояла ответственная задача — показать, как под влиянием общественно-классовых отношений формировались фольклорные произведения, как в нем отражалось стремление широких масс трудящихся к свободной жизни, их борьба с эксплуататорами и порабощателями. Главным порок работы проф. Янсона — в идеализации прошлого латышского народа. Если принимать всевозрастающие рассуждения автора, то до прихода в Латвию немцев колонизаторов все латвийское население не знало подневольного труда и имущественного неравенства. Этим самым проф. Янсон пытается протолкнуть в период крушения родового строя и перехода к феодализму, об их исключительном положении среди балтийских народов. Прикрываясь словесной казуистикой, проф. Янсон проповедует мысль о том, что латышские крестьяне «труднились ради труда», что, не в пример другим народам, они не делили свой труд на «труд для помещика» и «труд для себя».

По мнению проф. Янсона, зажиточные и маломужные слои латышского крестьянства находили общность интересов «... труде. «Латышский народ», — утверждает Я. П. Янсон, — не знал своего высочайшего и юридически оформленного (?) эксплуататорского класса».

Вредно, глубоко ошибочной является мысль проф. Янсона о том, что трудящимся вообще чуждо эстетическое восприятие красоты.

Проф. Янсон, говорит далее в статье, в прошлом стоял на идеалистических позициях, не делая попыток освободиться от груза буржуазной философии и социологии, истерично относился к критике его порочных трудов. Новая работа проф. Янсона свидетельствует о том, что он попрежнему не желает пересмотреть свои ошибки и заблуждения, находится в плену лженаучных теорий.

Несмотря на все это, работа проф. Я. П. Янсона была одобрена руководством института и рекомендована к печати. И только впоследствии, когда рукопись попала в издательство, выяснилось, что она содержит грубейшие ошибки, проповедует чуждые советской фольклористике взгляды, буржуазно-националистические напевы. В статье указывается также, что серьезными идеологическими ошибками изобилуют и другие научные работы, подготовленные в последнее время Институтом этнографии и фольклора.

Наличие этих ошибок, пишут авторы статьи В. Гехт и Г. Курпекс, объясняется тем, что институте «отсутствует борьба мнений, игнорируется критика, идущая снизу. Директор института проф. Р. А. Пельше, проф. Биркерт, доцент Озол встречают в штыки любое критическое замечание в их адрес, грубо обрывают критикующих. Так, на одном из последних заседаний ученого совета молодой научный сотрудник тов. Ейрсона подвергся критике исторические методы работы института. В ответ на эти справедливые замечания проф. Р. А. Пельше грубо заявил ей, что «прежде чем критиковать других, надо самой научиться работать».

В угоду привилегиям отношениям в институте захватываются явно негодные научные работы, как это было с трудом проф. Янсона. Это происходит оттого, что рецензирование научных трудов осуществляется формально, поручается узкому кругу лиц. Нередко бывает так, что проф. Янсон рецензирует работу проф. Пельше, а последний в то же время дает отзыв о труде Янсона. В таких случаях принципиальная критика подменяется словесным словословием...

Нарзела настоятельная необходимость коренным образом перестроить работу института, изжить рутину и келейность, добиться, чтобы вся научная деятельность проходила в обстановке высокой идейности и партийности, отвечала насущным требованиям коммунистического строительства».

ВЕСНА НАРОДА

«Где-то на склоне накрытого редколесьем высокого хребта — возвышалась Наггил-река и Таабы-река — под густыми кустами ерника и бугульника робко журчит ручеек. Он кое-где обнаруживает себя меж кустов и кочек, но вскоре перестает прятаться и потуже смею журчит в густой траве и блистает непрерывной узкой светлой полоской. Ручеек становится все более бурным и многоголосьем. Пройдет верст десять — и он уже превращается в стремительный габбукский поток, который ревет, вырывает с корнями деревья, подмывает берега. Он с такой силой мчится издалека, будто давно уже соскучился по своей прекрасной матушке Таббе. А мать-река любовно принимает резвого сына в свои спокойные объятия».

Глубоко взволнованные строки эти не только открывают перед нами красоту таежных просторов, — в этой поэтической картине есть свой подтекст. Не так ли и судьба маленького якутского мальчика Никиты Ягларина, не типична ли эта судьба для всего якутского народа? Народа, в прошлом угнетенного и отсталого, народа, подхваченного затем бурным, стремительным революционным потоком и, в конце концов, влившегося в единую могучую семью братских народов Советского Союза.

Роман Н. Мординова «Весенняя пора» задуман как биографический, но он выходит далеко за пределы этого жанра, перерастая в роман историко-революционный. Картина за картиной предстает перед нами беспримесная жизнь дореволюционной Якутии — царской окраины России. Двойной гнет придавал трудового якута, и, кажется, нет никакого просвета в его жизни. Парские чиновники — с одной стороны, а другой — местная топонско-кулацкая верхушка. С первых страниц книги писатель дает четкую расстановку сил. Белому трудовому ладу — Ягларину, Эрларину — противопоставлена местная знать — Сыгавы, Веселовы. Борьба, пока еще не осознанная, пошла на два лагера даже среди родичей.

Н. Мординов показывает те тесные связи, которые существовали между якутами и политическими силами, передовыми представителями русского общества. Шаг за шагом завоевывает себе доверие и любовь среди якутов сыновья сыновья Бобров. Он постепенно открывает им глаза на жизнь, учит их различать, где друг и где враг, помогает понять причины их внешнего существования. И когда Бобров, пришедший не по праву местным властям, должен уехать из Наггилы, семена, посеянные им, дают хорошие всходы.

Н. Мординов воспроизводит революционные события, разыгравшиеся в Якутии после свержения царизма. Он показывает борьбу большевиков, возглавляемых С. Орджоникидзе и Е. Ярославским, с меньшевиками и эсерами, вступившими в союз с местной топонско-кулацкой верхушкой. Перед читателем проходит годы гражданской войны в Якутии.

Эпические по своему размаху события автор мастерски преломляет в судьбах героев романа.

В центре романа — образ Никиты Ягларина. В начале книги Никита всего четыре года. Пожалуй, самая поэтическая часть книги посвящена его детству. Писатель показывает, как формируются основы характера его маленького героя. Это честный, трудолюбивый, гордый, нетерпимый к лжи и несправедливости пареня.

На наших глазах сын темного бедняка проходит сложный и нелегкий путь своего развития: годы ученья, знакомство с сокровищами русской литературы, жизнь «в людях», борьба с неадекватным врагом — сначала в рядах партизанского отряда, а затем — в Красной Армии; наконец, ученье в педагогическом институте в Москве, в Институт журналистики.

Никита Ягларин находится всегда в гуще событий, разветвляющихся в книге. Через восприятие своего героя писатель показывает его значительность, его огромную формирующую силу. Образ Никиты Ягларина — большая удача Н. Мординова. В нем писатель показал судьбу целого поколения, которое вместе с отцами и старшими

Н. Мординов, Весенняя пора. «Советский писатель», 1951.

З. ОДИНЦОВА

ИЗДАНИЕ ПРУДОВ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

17 января исполняется 90 лет со дня рождения выдающегося деятеля театрального искусства К. С. Станиславского.

В скором времени в издательстве «Искусство» выйдет из печати одноименный его статей, рецензий и писем. В нем собраны наиболее ценные материалы по вопросам теории и практики современного театрального искусства. Значительное место в одноименном издании занимают опубликованные высказывания К. С. Станиславского, отражающие его последние взгляды на творчество актера.

Одновременно Научно-исследовательским институтом театра и музыки подготовлено первое полное собрание сочинений К. С. Станиславского в восьми томах. В настоящее время складывается «Моя жизнь в искусстве» с приложением вновь найденной главы этой книги и высказываний Станиславского о значении творчества Чехова для современников, о Малом театре, главы о Сальвини в роли Отелло и ряда других

Новые книги для детей

Атаев А. Под знаком «башмака». Роман. Для среднего и старшего возраста. Измененное и дополненное издание. Рисунки В. Ермолова. Детгиз. 208 стр. Цена 4 руб. 15 коп.

Биринский-Улит Э. Избранные рассказы. Перевод с латышского. Для среднего и старшего возраста. Иллюстрации П. Осоевского. Детгиз. 192 стр. Цена 3 руб. 60 коп.

Григунас А. Пограничники, два мальчика и собака Марс. Повесть. Для младшего и среднего возраста. Перевод с латышского В. Ардамасова. Рисунки И. Ильинского. Детгиз. 128 стр. Цена 2 руб. 80 коп.

Ернеев А. Мы ходим в школу. Стихи. Для детей младшего возраста. Иллюстрации А. Фарфорова. Казань. Татаргосиздат. 28 стр. Цена 35 коп.

Желтый ангел. Сказки стран народной демократии. Составитель-художник Н. Головин. Горьковское областное государственное издательство. 128 стр. Цена 5 руб. 50 коп.

Залужский М. и Шпальский Р. О белом голубе и двенадцати воронах. Сказка. Для среднего возраста. Перевод с польского С. Михалкова и М. Живова. Рисунки И. Семенова. Детгиз. 31 стр. Цена 50 коп.

братьями отвождило свое право на счастливую жизнь. Народ поднимается на борьбу, растет, закаляется и мужает в борьбе. Яркие раскрыты писателем образы молодых коммунистов — якутов Дмитрия Эрларина, Афанаса Матвеева, Ивана Кириллова. В ходе революционных событий они становятся вождями масс. Через них проходят многочисленные, патетические сцены, индигиальными чертами образами бедняков: слепота Тохорона, старика Николая — сына Туу, «человека вне списка», косяка Ивана Малого, батрачки Еленки.

Особенно типично прослеживается Н. Мординов путь к революции забытого бедняка Эрларина, отца Никиты Ягларина. Две растущие в жизни трудящегося Эрларина — семья и небольшой клочок скудной земли. В труде раскрываются лучшие качества старшего Ягларина, но он еще не осознает своей силы, еще не дорос до протеста. Но когда князь Сыгавез незаконно отбирает землю у Ягларинских, приходит конец и покорности Эрларина. Н. Мординов впечатлительно показывает на истории клочка земли пробуждение классового сознания у бедняка-якута, рождение в нем чувства социального протеста.

Участвуя женские образы романа. Теплою овеяна Юрой умной и нежной Федосей, матери Никиты. Это любящая, мужественная, сильная духом женщина. Запоминается гордая батрачка Варвара — бабушка Никиты. Одна из пленительных образов книги — красавица Майе. Психологически убедительно и тонко писатель изображает искаленную судьбу этой девушки, приемной дочери богатей Веселовых. У Майе свой путь к революции, который приводит ее в стан борцов за советский строй.

Если образы близких писателю героев согреты чувством большой любви, то о врагах он пишет с глубоким негодованием. Он обличает страстно, темпераментно, гневно. Н. Мординов удалось показать злобного, коварного, хитрого врага, с которым нелегко бороться. Писатель выводит целые семьи, чтобы показать, как даже внутри этих семей идут распри из-за стяжательства, наживы. Насколько дружна семья бедняка Ягларина, настолько недружна семья богатей Эрларинских, Сыгавых. Печальное вырождение лежит на этих людях. Дочь Ягларинских Сыгавой Аничка — красавица, но от нее веет холодом, наменностью, черствостью. Аничка жестока, как и ее мать, только жестокость свою она уже научилась прикрывать лицемерной фразой. Правда, есть один прием в обрисовке Анички, который противоречит ее сущности. Писатель почему-то сравнивает ее с березонкой. Образ березы звучит обычно, как нечто близкое, родное сердцу простого человека. И вдруг «березонкой» названа жестокая, хищная представительница вражеского класса.

Следует сказать, что вообще книга Н. Мординова написана стилистически верно. Детство Никиты дается в спокойном, несколько замедленном темпе; в эпизодах гражданской войны в первых лет после нее чувствуются смена, новаторственность. И это происходит не потому, что меняются темпы жизни героев. Нет, писатель зачастую налившие переживает повествования событиями, новыми персонажами, фактами, без поэтического их осмысления. Временами мелькает в языке автора, он теряет свою выразительность, красочность, образность.

Не все герои автором изображены удачно. Противоречив образ Луки

ПАЛАЧИ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Гнев и возмущение всех честных людей вызывает чудовищное злодеяние японских оккупантов на островах Кочжидо и Понган в Корее. Однако американские военисты и ее лисымановские подручные творят свои преступления не только над военнопленными. Не менее страшные по жестокости и садизму злодеяния и расправы совершаются и в тылу американских войск, в Южной Корее, над мирным населением и над беззащитными борцами за свободу и независимость родины — героическими корейскими партизанами.

Взгляните на эти снимки, опубликованные недавно на страницах ряда газет в журналах США. Стараясь преувеличить силу ударов, наносимых оккупантами мощными партизанскими движением на юге Кореи, американская реакционная пресса усиленно рекламирует «активные мероприятия», проводимые против корейских партизан. В начале войны в Корею захватчики пытались, как известно, подавить партизанское движение с помощью собственных войск и регулярных частей лисымановской армии. Затем, потерпев неудачу, они перешли к тактике. Было решено организовать специальные полицейские части из самых отпетых головорезов-лисмановцев и бросить их на борьбу с народными мстителями.

Взгляните на этот фотоснимок. На нем изображены лисымановские полицейские, они волочат по земле свою очередную жертву. Гнев и ненависть вызывает один вид этих отпетых головорезов на американской службе, хладнокровно делающих свое черное дело! Чудовищная сцена, запечатленная на фотографии, — таковы «бунды» Южной Кореи, которую янки-империалисты стремятся превратить в «царство могильной тишины».

И вот мы видим плоды деятельности этих головорезов, руководимых американскими офицерами и снабженных новейшим американским оружием! Конечно, то, что запечатлено на приведенных здесь снимках, — лишь отдельные эпизоды преступной деятельности карателей, которые смакует американский журнал «Лайф». Можно себе представить, что происходит в действительности, какие зверства совершают высокопоставленные американские гестаповцы «умиротворители», если «Лайф» сообщает один из опубликованных им снимков таким «комментарием»: «Когда трудно доставить тела партизан, с гор приносятся только вмятины сапог и черепные коробки».

На помещаемых здесь снимках нет палачей-янки — они трусливо прячутся за спины своих лисымановских подручных. Но американские гестаповцы всегда можно узнать по их кровавому «почерку» — злодеяния Кочжидо и Понгана они портят в горах и лесах, в городах и селах Южной Кореи.

Американская пресса все чаще и чаще вынуждена писать о партизанском движении, невольно выдавая тем самым тревогу правящих кругов США. «С самого начала войны в Корею, — признает газета «Нью-Йорк таймс», — партизаны все время приносили большое беспокойство командования Объединенных Наций» (т. е. американскому командованию! — А. П.).

Бешеные попытки американской военной машины подавить или хотя бы ослабить патристическую борьбу корейского народа ни к чему не привели. Не помогают оккупантам ни фашистский террор, ни массовые убийства, ни многочисленные карательные

экспедиции, как бы хитроумно они ни исполнялись, — от очередных злых и бесчеловечных «наступлений» до операций «красной лавины».

Все чаще летят под откосы американские военные поезда, взлетают на воздух склады и арсеналы, уничтожаются полицейские участки и штабы, истребляются предатели корейского народа — лисымановцы. «Партизаны всегда довольно активно действовали в тылу войск ООН, и похоже на то, что это будет продолжаться до тех пор, пока не окончится война», — сетует все та же газета «Нью-Йорк таймс».

Американские каратели под предлогом «борьбы с партизанами» вводят во многих районах Южной Кореи чрезвычайное положение. Циркулируя этим, они уничтожают тысячи мирных жителей, жгут деревни, жители которых анноулены в «социалистический» партизанам. Однако американско-лисмановским душителям никак не удается сломить растущее сопротивление трудящихся Южной Кореи. Население ок-

купавает, что корейские партизаны поддерживают таким же жестоким наказанием, как и партизаны-мужчины.

В последние время в зарубежной печати обсуждается новый американский «план»: янки-гестаповцы собираются перестроить все вооруженные силы, находящиеся в лагерь, своих лисымановских подручных. Еще 19 декабря прошлого года агентство Франс Пресс сообщало, что, как признал министр «национальной обороны» правительства Ли Си Ма, сейчас «испытывается» замена американских охранников в лагерь для военнопленных лисымановскими бандами. Как видно, лисымановские выученники американских гестаповцев настолько себя «зареккомендовали» в расправе над мирным населением в Южной Корее, что янки-оккупанты готовы доверить им теперь и дальнейшее истребление корейских и китайских военнопленных в лагерях смерти.

В то же время американские агрессоры явно рассчитывают на грязном деле расправы над безоружными военнопленными спрятаться за спины своих южнокорейских марионеток. Они пытаются осуществить хотя бы в этой области столь модный сейчас в США лозунг «войны азиатцев против азиатцев», который является, по существу, старым империалистическим лозунгом войны чужими руками. Но одно дело, когда янки-оккупанты вербуют несколько сот или даже тысяч головорезов, предателей корейского народа, готовых быть нагими палачами. И совсем другое, — когда правящие круги США рассчитывают переключить основную тяжесть войны в Корею на битву с партизанами Ли Си Ма.

Южнокорейский «президент», как известно, в самые последние дни совершил палачество в Токио, в штаб-квартиру командующего американскими войсками в Корею генерала Кларка. Там он вел секретные переговоры с японским премьером Носиде. Реакционная печать США, не в пример официальным лицам, не делает тайны из тех планов, которые с благословения генерала Кларка Ли Си Ма обсуждал с

За тюремной решеткой — попавший в руки интервентов-янки воин корейской Народной армии Ким Хе Хван (в центре фотографии). Отважный патриот бежал из американского лагеря смерти на острове Кочжидо, пробравшись в горы на южнокорейской территории и присоединившись к партизанам, чтобы бороться против захватчиков. Но он вновь был схвачен. И вот он в тюрьме, под усиленной охраной лисымановских предателей.

Еще восемь трупов, еще восемь убийств, совершенных лисымановцами. Нет конца кровавым преступлениям палачей! Народные мстители, действующие в Южной Корее, в глубоком тылу американских войск, не дают покоя захватчикам. И в бесчеловечные американско-лисмановские бандиты беспощадно истребляют южнокорейское население по малейшему подозрению в связях с партизанами, в симпатиях к Народной Корее.

Всем этим корейцам, схваченным лисымановцами и брошенным в застенки, грозит смерть. Их подозревают в «принадлежности к партизанскому отряду», а это значит, что расправа будет скорой и жестокой. Американские и лисымановские палачи не щадят никого — ни женщин, ни стариков, ни детей!

Снимки из американского журнала «Лайф»

широком использовании в Корею японских войск.

Конечно, американские пропагандисты могут давать сколько угодно ложных демографических сведений о широком массовом применении вооруженных сил США в Корею. Но правдивым кругам США никак не удастся превратить эти обвинения в реальность. Еще во время пребывания Ли Си Ма в Токио общественные организации корейцев, проживающих в Японии, заявили самый решительный протест против планов переселения и использования их в качестве американских наемников в Корею. Своим нежеланием участвовать в корейской войне достаточно решительно демонстрирует и японская молодежь. Таким образом, авантюристические расчеты горестратега из Пентагона продолжать корейскую войну силами своих «азиатских» наемников явно построены на песке. Ведь даже попытка американских захватчиков подавить партизанское движение в своем тылу руками лисымановцев явно не увенчалась успехом.

Да, никакая, самая позорная жестокость не помогает карателям. Палачи партизанской борьбы в тылу у оккупантов разгораются все сильнее и сильнее. Неугасимая ненависть народа к американским оккупантам и наемным палачам — лисымановским бандам. Империалистам никогда не удастся поставить народ героической Кореи на колени.

А. ПУХОВ

ХРОНИКА

Арест группы врачей-вредителей

Некоторое время тому назад органами Государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активного деятеля Советского Союза.

В числе участников этой террористической группы оказались: профессор **Восин М. С.**, врач-терапевт; профессор **Виноградов В. Н.**, врач-терапевт; профессор **Коган Б. Б.**, врач-терапевт; профессор **Коган П. И.**, врач-терапевт; профессор **Фельдман А. И.**, врач-отоларинголог; профессор **Этингер Я. Г.**, врач-терапевт; профессор **Гринштейн А. М.**, врач-невропатолог; **Майоров Г. И.**, врач-терапевт.

Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми наемниками народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье.

Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали данные объективного обследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствующие действительному характеру их заболеваний, а затем неправильным лечением губили их.

Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища **А. А. Жданова**, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умышленно товарища **А. А. Жданова**. Следствием установлено, что преступники также сократили жизнь товарища **А. С. Шербакова**, неправильно применяли при его лечении сильнодействующие лекарственные средства, установив

ли пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти.

Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Васильевского **А. М.**, маршала Говорова **П. А.**, маршала Бонева **П. С.**, генерала армии Штененко **С. М.**, адмирала Лентенко **Г. П.** и других, однако арест разстроил их злодейские планы и преступникам не удалось добиться своей цели.

Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священные знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, — состояли в наемных агентствах у иностранной разведки.

Большинство участников террористической группы (**Восин М. С.**, **Коган Б. Б.**, **Фельдман А. П.**, **Гринштейн А. М.**, **Этингер Я. Г.** и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой, якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе. Арестованный **Восин** заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача в Москве **Шимелювича** и известного еврейского буржуазного националиста **Михоэса**.

Другие участники террористической группы (**Виноградов В. Н.**, **Коган Б. Б.**, **Егоров П. И.**) оказались давними агентами английской разведки.

Следствие будет закончено в ближайшее время. (ТАСС)

По страницам печати

«Женьминьжибао» — Китай; «Жизнь Варшавы» — Польша; «Млада фронт» — Чехословакия

Зеленые друзья Ван Шоу-и

На западе провинции Хэбэй, в районе отдели Шэньцзяо, древнего русла реки Лаопхы и отдели на месте когда-то разрушенной плотины на р. Шахэ в давние времена образовались обширные песчаные пустыни. Где-то среди них притаились деревня Хуанцзя. Деревня находилась под натиском песков.

«Они засыпали поля, — пишет газета «Женьминьжибао», — постепенно превращая их в пустыню, засыпали колоды. Крестьяне сопротивлялись. По три-четыре раза они засевали один и те же участки, потому что с незащищенной земли ветер сдувал семена или засыпал их песком. То, что удавалось вырастить, сгорало от суховея или опять-таки засыпалось песком. С неимоверным трудом крестьянину Ван Шоу-и, например, удавалось снимать по 3 доу зерна с одного муу такой земли».

Не зная этих мест после освобождения страны. Компартия и народные правительства помогли крестьянам организовать и выступить на борьбу с песками и суховеями. И вот теперь, «если поехать поездом из Пекина в Шэньцзян», — продолжает «Женьминьжибао», — то к западу от железнодорожного полотна можно увидеть лесозащитную полосу. Прежде этот участок дороги ежегодно весной подвергался опасности — при сильных ветрах рельсы засыпались песком. С прошлого года, когда лесная полоса окрепла, пески больше не угрожают железной дороге».

Пользуясь передовым советским опытом, крестьяне с помощью народного правительства заложили эту полосу на песках в 1949 году. Теперь на площади в 84.800 му поднялись и окрепли высокорослые

мелкоствольные тополя и акации, у подножья которых разрослись красная акация и другие кустарники. Под их защитой Ван Шоу-и уже в 1951 году «снял по одному даню» зерна с одного му, а в 1952 году — вдвое больше».

• Доу — мера для сыпучих тел, равная 10,3 литра, му — 1/16 гектара.
• Дань — 10 доу.

Варшава — порт

Район Жерань в новой Варшаве стал индустриальным стержнем польской столицы. Здесь вырос современный завод легковых автомобилей, строящийся крупнейший в стране автомобильный завод, теплоэлектростанция и крупный порт на Висле.

«В 1955 году, — сообщает газета «Жизнь Варшавы», — Жераньский порт начнет службу Варшаве. План его строительства очень обширен. Для примера укажем лишь, что здесь предстоит вынуть и вывести с территории строительства 5 миллионов кубических метров земли. Уже выдано 10 процентов этих работ. С поступлением из Советского Союза и Германской Демократической Республики специальных машин темпы строительства будут значительно ускорены».

План строительства предусматривает сооружение бассейна для перевозки грузов в центральную часть порта. В глубине порт примет непосредственно к будущему каналу Буг — Висла. Здесь будет сооружен затон для зимовки судов и угольный склад для расположенной неподалеку теплоэлектростанции. Запроектировано также строительство административных зданий и Дома волонеров».

Так, рядом с существующими теперь Праздским и Черняковскими речными портами, растущий грузопоток в Варшаву примет и новый порт в Жерани. Через него будет проходить свыше 20 процентов всех грузов, направляемых в столицу республики.

„Пекаровцы“

Феликс Пекар — молодой каменщик на строительстве металлургического завода имени В. М. Молотова в г. Тржиане и поселка в Лыбихе. Здесь он научился кирпичной кладке и стал бригадиром молодых каменщиков.

«Однажды, — рассказывает газета «Млада фронт», — на строительстве блока «Д», где работала молодежная бригада, появились так называемые рамы. Тендер — известная в Чехословацком каменщике-новаторе. Молодые патристы решили испытать метод Тендера. Подготовив кирпичи и раствор, приступил к делу. Оказалось, что кубометр стены был уложен всего за пять минут. Это было настолько невероятно, что юности сами с трудом верили своему успеху».

Молодые каменщики широко применяли новшества в своей работе. В одну из смен бригада Пекара уложила 20,73 кубометра кирпичной кладки. Это был республиканский рекорд. Об успехе бригады узнали на многочисленных стройках Чехословакии. У Пекара и его друзей теперь уже много последователей. Сейчас все бригады на строительстве жилых домов в Лыбихе работают по-новому».

«Молодые „пекаровцы“, как их теперь называют, — заключает «Млада фронт», — хотя каждому строителю передать то чувство радости, какое вызывает быстро поднимающаяся вверх стена, когда, оглядая ряды прекрасных новых домов, строитель может с гордостью, как Феликс Пекар, сказать: «Вот результаты моей работы. Благодаря моему участию в общем труде сотни людей будут жить в новых домах»».

Главный редактор **К. СИМОНОВ**.

Редакционная коллегия: **Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН**.

В ИЗВЕСТНОМ смысле Венский Конгресс народов в защиту мира стал победой еще до того, как он открылся. Не было случая, чтобы международное совещание сумело в такой мере принадеж к себе мечты и надежды всех простых людей. Не было случая, когда бы делегация, избранная народами, чтобы говорить от их имени, оказалась таким разнообразным по составу.

Однако самый успех подготовки к Конгрессу народов таил в себе известную «опасность»: как бы в стремлении объединить чувства и мысли делегатов, часто придерживавшихся совершенно различных взглядов, решения Конгресса не свелись к ряду общих, неконкретных положений. С другой стороны, приходилось опасаться того, что, пытаясь определить ясную линию дальнейшей борьбы за мир, делегаты могут лишиться поддержки тех групп и отдельных лиц, чей подход к вопросам мира между народами не совпадает с точкой зрения, которая в ходе Конгресса определится, как точка зрения большинства.

Достаточно, однако, прочитать решения, принятые Конгрессом, чтобы убедиться в том, что так ту, так и другую опасность удалось преодолеть. Трудности, которые возникали в Вене, естественны в движении, охватывающем больше массы людей, и потому правильное понимание пути, способствовавших преодолению этих трудностей, может принести большую пользу в дальнейшем.

Лейбористская партия и вся капиталистическая печать Англии старались подорвать престиж Конгресса, сорвать выборы делегатов, посеять в массах недоверие.

Тот факт, что английская делегация в Вене насчитывала 157 человек и в ней были представители почти все слои английского общества, достаточно красноречиво свидетельствует о превращении лейбористской кампании, затеянной капиталистической прессой. Однако к моменту открытия Конгресса эту кампанию еще нельзя было считать окончательно провалившейся.

ПОСЛЕ КОНГРЕССА НАРОДОВ В ЗАЩИТУ МИРА

ВПЕЧАТЛЕНИЯ АНГЛИЧАНКИ

Моника ФЭЛТОН

У некоторых людей она все же породила сомнения, и только позднее, в ходе Конгресса, эти люди убедились, насколько обоснованностью были наветы клеветников.

Сомнения рассеялись еще до окончания Конгресса. Причиной тому было вовсе не эмоциональное воздействие речи оратора, хотя убедительность этих речей трудно переоценить. Не следует также приписывать это непринятию дружескому общению делегатов разных стран, хотя, вообще говоря, такое общение немало способствовало успеху Конгресса. Сомнения исчезли потому, что на заседаниях каждый делегат имел возможность непосредственно выразить в существо дела и самому принять участие в формулировке решений.

Был, например, в составе английской делегации, среди ее наиболее заметных членов, один известный тридцатипятилетний деятель. Много лет он занимал крупные посты в муниципалитете и местных организациях лейбористской партии. Он поехал в Вену с открытой душой, исповедующий добродетель, но в то же время не скрывал, что организация Конгресса внушает ему сомнения. Как человек, всеми уважаемый, он был избран одним из представителей английской делегации в президиум Конгресса. Вечером состоялся заседание президиума по какому-то важному организационному вопросу, а на следующий день на совещании нашей делегации почетный тридцатипятилетний встал и произнес слова для заявления. Ни разу, сказав, за всю свою многолетнюю деятельность в лейбористских и профсоюзных организациях не приходилось ему присутствовать на заседании, которое велось бы более демократично, чем это заседание президиума Конгресса, и ни разу он не видел председателя, который бы так, как Жозеф-Мари,

заботился о том, чтобы каждый участник мог полностью высказать свои соображения и чтобы эти соображения были приняты в расчет. Если его лично по приезде в Вену и озабочивало кое-какие сомнения, то теперь их и след простыл.

Это не единственный пример. На самом Конгрессе, на заседаниях его различных комитетов и в неофициальных беседах члены отдельных делегаций спокойно и дружелюбно обсуждали разноречивые их разномнения и при этом учились с уважением относиться друг к другу. У каждого из них было личное общение с делегатами, которые не только способствовали успеху Конгресса, но и умную работу ведут они в непростой трудных условиях, многие представители западноевропейских стран по-прежнему выжили на движение в защиту мира в США.

Весьма волнующей была встреча английской и корейской делегаций, которая прошла просто и тепло. И не приходится сомневаться, что глубокое чувство ответственности за трагедию Кореи, испытываемое многими англичанами, теперь станет еще глубже.

На этом фоне деятельность Конгресса приобретает логичную перспективу. Решения, принятые Конгрессом, — важные решения; важны они и по существу и по тому, как они были достигнуты. Большие успехи достигнуты авторитетом речи, которые помогли уяснить существование положение и определить дальнейшие пути борьбы за мир. И выступлений, запомнившихся

большинству английских делегатов больше других, хочется выделить два — Го Мо-го и Александра Корнуолла. Первый поразила слушателей своим необычайно широким кругозором, умением проникать в суть явлений. Второй говорил о возможности мирного сосуществования, причем с такой искренностью, силой и простотой, что аудитория сразу почувствовала: это речь человека, глубоко убежденного в правоте своих слов. Успех подобных речей может служить мерой успеха всего Конгресса.

Делегаты Венского Конгресса желали чему-то научиться, приобрести недостающий опыт и совместными усилиями выработать практический план действий на будущее. Это были в большинстве практики, люди дела, совершенно справедливо считавшие, что Конгресс — необходимый этап на пути расширения фронта борьбы за мир. Они твердо решили не отступать перед трудностями, которые требовались преодоления. О том, как они были преодолены, говорят результаты заключительного постановления: за обращение к правительствам пяти великих держав — 1637 голосов, за Воззвание Конгресса народов в защиту мира — 1626 голосов.

В английской делегации за оба обращения голосовали все присутствовавшие (некоторые делегаты неотложные дела к тому времени уже заставили вернуться в Англию). И это было не механическое большинство. Многие английские делегаты ехали в Вену с твердым намерением говорить, что, если действительно логично, и в этих сферах было достигнуто полное и искреннее согласие.

За время работы Конгресса английская делегация качественно выросла: из отдельных лиц и мелких групп она превратилась в крепкий, спаянный отряд, со-

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм внутренней связи) — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48.

— Москва, Литгазета. Телефоны: секретариат — К 4-04-62; редакция литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-63, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б00806